

```
(SPR_PUNG,2,4,(NULL),S_PUNCH5,0,0), // S_PUNCH4
(SPR_PUNG,1,5,(A_ReFire),S_PUNCH,0,0), // S_PUNCH5 // do things to change the game state
(SPR_PISG,0,1,(A_WeaponReady),S_PISTOL,0,0), // S_PISTOL while (gameaction != ga_nothing)
(SPR_PISG,0,1,(A_Lower),S_PISTOLDOWN,0,0), // S_PISTOLDOWN ↓
(SPR_PISG,0,1,(A_Raise),S_PISTOLUP,0,0), // S_PISTOLUP
(SPR_PISG,0,4,(NULL),S_PISTOL2,0,0), // S_PISTOL1
(SPR_PISG,1,6,(A_FirePistol),S_PISTOL3,0,0), // S_PISTOL2
(SPR_PISG,2,4,(NULL),S_PISTOL4,0,0), // S_PISTOL3
(SPR_PISG,1,5,(A_ReFire),S_PISTOL,0,0), // S_PISTOL4
(SPR_PISG,32769,7,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0), // S_PISTOLFLASH
(SPR_SHTG,0,1,(A_WeaponReady),S_SGUN,0,0), // S_SGUN
(SPR_SHTG,0,1,(A_Lower),S_SGUNDOWN,0,0), // S_SGUNDOWN
(SPR_SHTG,0,1,(A_Raise),S_SGUNUP,0,0), // S_SGUNUP
(SPR_SHTG,0,3,(NULL),S_SGUN2,0,0), // S_SGUN1
(SPR_SHTG,0,7,(A_FireShotgun),S_SGUN3,0,0), // S_SGUN2
(SPR_SHTG,1,5,(NULL),S_SGUN4,0,0), // S_SGUN3
```

and commented parts.
t edition work.

episode 1 on shareware

))

rm)

S& gameskill != sk_nightmare)

ARG_PWIN2 ; i++)

head = 20*FRACUNIT;

d = 20*FRACUNIT;

ed = 20*FRACUNIT;

skill == sk_nightmare)

ARG_PWIN2 ; i++)

head = 15*FRACUNIT;

d = 10*FRACUNIT;

ed = 10*FRACUNIT;

first level load

BORN;

set false if a demo


```
(SPR_CHGG,0,1,(A_Raise),S_CHAIN,0,0), // S_CHAIN
(SPR_CHGG,0,4,(A_FireCGun),S_CHAIN3,0,0), // S_CHAIN3
(SPR_CHGG,1,4,(A_FireCGun),S_CHAIN3,0,0), // S_CHAIN3
(SPR_CHGG,1,0,(A_ReFire),S_CHAIN,0,0), // S_CHAIN
(SPR_CHGF,32769,5,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0), // S_CHAINFLASH1
(SPR_CHGF,32769,5,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0), // S_CHAINFLASH2
(SPR_MISG,0,1,(A_WeaponReady),S_MISSILE,0,0), // S_MISSILE
(SPR_MISG,0,1,(A_Lower),S_MISSILEDOWN,0,0), // S_MISSILEDOWN
(SPR_MISG,0,1,(A_Raise),S_MISSILEUP,0,0), // S_MISSILEUP
(SPR_MISG,1,0,(A_GunFlash),S_MISSILE2,0,0), // S_MISSILE1
(SPR_MISG,1,12,(A_FireMissile),S_MISSILE3,0,0), // S_MISSILE2
(SPR_MISG,1,0,(A_ReFire),S_MISSILE,0,0), // S_MISSILE3
(SPR_MISF,32769,3,(A_Light1),S_MISSILEFLASH2,0,0), // S_MISSILEFLASH1
(SPR_MISF,32769,4,(NULL),S_MISSILEFLASH3,0,0), // S_MISSILEFLASH2
(SPR_MISF,32770,4,(A_Light2),S_MISSILEFLASH4,0,0), // S_MISSILEFLASH3
(SPR_MISF,32771,4,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0), // S_MISSILEFLASH4
(SPR_SAWG,2,4,(A_WeaponReady),S_SAWB,0,0), // S_SAW
(SPR_SAWG,3,4,(A_WeaponReady),S_SAWD,0,0), // S_SAWB
(SPR_SAWG,2,1,(A_Lower),S_SAWDOWN,0,0), // S_SAWDOWN
(SPR_SAWG,2,1,(A_Raise),S_SAWUP,0,0), // S_SAWUP
(SPR_SAWG,0,4,(A_Saw),S_SAW2,0,0), // S_SAW1
(SPR_SAWG,1,4,(A_Saw),S_SAW3,0,0), // S_SAW2
(SPR_SAWG,1,0,(A_ReFire),S_SAW,0,0), // S_SAW3
(SPR_PLSG,0,1,(A_WeaponReady),S_PLASMA,0,0), // S_PLASMA
(SPR_PLSG,0,1,(A_Lower),S_PLASMAUP,0,0), // S_PLASMAUP
(SPR_PLSG,0,1,(A_Raise),S_PLASMAUP,0,0), // S_PLASMAUP
(SPR_PLSG,0,3,(A_FirePlasma),S_PLASMA2,0,0), // S_PLASMA1
(SPR_PLSG,1,20,(A_ReFire),S_PLASMA,0,0), // S_PLASMA2
(SPR_PLSF,32769,4,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0), // S_PLASMAFLASH1
(SPR_PLSF,32769,4,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0), // S_PLASMAFLASH2
(SPR_BFGG,0,1,(A_WeaponReady),S_BFG,0,0), // S_BFG
(SPR_BFGG,0,1,(A_Lower),S_BFGDOWN,0,0), // S_BFGDOWN
(SPR_BFGG,0,1,(A_Raise),S_BFGUP,0,0), // S_BFGUP
(SPR_BFGG,0,20,(A_BFGsound),S_BFG2,0,0), // S_BFG1
(SPR_BFGG,1,10,(A_GunFlash),S_BFG3,0,0), // S_BFG2
(SPR_BFGG,1,10,(A_FireBFG),S_BFG4,0,0), // S_BFG3
(SPR_BFGG,1,20,(A_ReFire),S_BFG,0,0), // S_BFG4
(SPR_BFGF,32769,11,(A_Light1),S_BFGFLASH2,0,0), // S_BFGFLASH1
(SPR_BFGF,32769,6,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0), // S_BFGFLASH2
(SPR_BLOOD,2,9,(NULL),S_BLOOD2,0,0), // S_BLOOD1
(SPR_BLOOD,1,9,(NULL),S_BLOOD3,0,0), // S_BLOOD2
(SPR_BLOOD,0,9,(NULL),S_NULL,0,0), // S_BLOOD3
(SPR_PUFF,32769,4,(NULL),S_PUFF2,0,0), // S_PUFF1
(SPR_PUFF,1,4,(NULL),S_PUFF3,0,0), // S_PUFF2
(SPR_PUFF,2,4,(NULL),S_PUFF4,0,0), // S_PUFF3
(SPR_PUFF,3,4,(NULL),S_NULL,0,0), // S_PUFF4
```

Борис Ратников

Сборник стихов «Калейдоскоп»

«Автор»

2018

Ратников Б. К.

Сборник стихов «Калейдоскоп» / Б. К. Ратников — «Автор»,
2018

СБОРНИК СТИХОВ. Ратников Борис Константинович - автор, писатель. Все
стихи написаны мною, для Вас от чистого сердца.

© Ратников Б. К., 2018

© Автор, 2018

Москва 2018

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕМУ АФГАНСКОМУ ДРУГУ И БОЕВОМУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМУ ТОВАРИЩУ – ОРУДЖЕВУ АЛИ ПАШЕВИЧУ.

Об авторе:

Ратников Борис Константинович – генерал-майор Федеральной Службы Охраны Российской Федерации в отставке. В 90-е годы работал первым заместителем начальника Главного Управления Охраны РФ. Занимался вопросами обеспечения безопасности высших должностных лиц, в том числе с применением биотехнологий.

Является автором и соавтором книг:

«За гранью познанного», 1 и 2 части,
«Картина мира в представлении спецслужб»,
«Пси-войны России и Америки»,
«Риски развития России с позиций пси-технологий»,
«Мистика и философия спецслужб»,
«Человек, социум, власть»,
«Бизнес – путь к успеху»,
«Жизнь как она есть»,
«Истоки взаимоотношения полов»,
«Вектор духовного разрушения России»,
«Алгоритм познания для дегустации жизни»,
«Откровения Хранителя Вечности»,
«Здравая жизнь»,
«О механизмах и технологиях управления психикой»,
«Велика Россия, а отступить некуда!»,
«Тайные пружинки женского счастья»,
«Человек и космос, взаимодействие и энергообмен»,
«Белорусский феномен»,
«Путь к успеху»,
«От законов мироздания к закономерностям жизни»,
«Шаг к новому миропониманию»,
«От знаний к духовному и физическому здоровью»,
«Путеводитель по жизни» и др.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Я родился в деревне Курово,
От Рязани – рукой подать,
В перелеске с названием Строилово
Родила меня моя мать.

Её дед Поликарп на подводе
В Луховицы рожать повёз,
Но так надо было природе -
До больницы её не довёз.

Часа три на пупке я болтался,
Пока дед повитуху нашёл:
Там в деревне врач оказался,
И мытарствам конец пришёл.

Рос как все, пропадая на улице,
Летом бегал в трусах, босиком,
Ноги были, как лапы у курицы,
А коленки всегда с синяком.

Зимой с горки по льду катался,
Что порой протирались штаны,
За ремень отец потом брался,
Но своей я не видел вины.

Жили весело, много играли,
То в разбойников, то в войну,
Других игр мы тогда и не знали,
Дрались шпагами, как в старину.

Щит в руках был от бака крышкой,
Шпага – палка орех или клён,
Бились так, пока кто б из мальчишек
Не упал, этой шпагой сражён.

Окружала нас мать-природа,
Отражаясь в детских глазах:
Река Меча, леса и уголья -
Всё навеки осталось в сердцах!

Кругом зелени было много,
Георгины росли в те поры,
Как солдаты равнялись строго
Под окном «золотые шары».

Проживала семья очень скромно,
На столе разносол не велик -
Огурцы из бочки солёные,
Да с прожилками сало – шпиг.

Ели, правда, ещё капусту,
Да картошку, как хлеб второй,
И для мамы было искусством,
Чтоб еда не казалась одной.

И сейчас в Луховицком крае
Даёт фору другим огурец -
Неросимый и Неженский ранний

Среди всех «удалой молодец».

Отец был председатель колхоза,
Чуть заря – он уже на ногах,
Относился ко мне он серьёзно – сено я убирал на лугах.

Подвозил зерно от комбайна,
Ворошил на току его,
Он к труду приучал не случайно,
Чтоб познал я себя самого.

Научился с людьми бы общаться,
Проявлял уваженье к труду,
Чтобы цели мог добиваться,
Вёл достойно себя на виду.

В кузницу прибегал я ребёнком,
Лошадей наш кузнец там ковал,
Помню, как играл с жеребёнком,
И мехами огонь раздувал.

Мама часто меня покрывала,
Не давая отцу узнать,
Что своим хулиганством бывало
Я его мог краснеть заставлять.

Разливалась речка весною,
Половодье – каникул пора,
Мы на льдинах катались гурьбою
И играли в лапту аж с утра.

Летом лезли в сады украдкой -
Ели кислый зелёный плод.
И на брюхе потом через грядки
За редиской ползли в огород.

Горе было тому, кто попался:
Был исхлёстан крапивой тотчас!
Задом в речке потом отмокался,
Утирая слёзы из глаз.

Было хобби у меня в детстве -
Я гармошку очень любил,
И отец, несмотря на протесты,
В первом классе мне хромку купил.

Говорила родная сватья:
«Гармонисты – сплошная пьянь»!-
Не послушал её мой Батя,

За гармонию поехал в Рязань.

Инструмент я освоил быстро,
В третьем классе по свадьбам ходил,
У меня тогда не было мысли,
Чтобы вместе со всеми я пил.

Относились ко мне с уважением,
подавали вино с калачом
Или браги с медовым брожением,
Иль лафитник с родным первачом.

Но наказу я следовал строго:
Если выпью – отнимут гармонию.
Вот поэтому пил я немного,
Чтобы чувствовать в пальцах огонь.

Утром бабы меня провожали
И сдавали на руки родным,
Те дыхнуть каждый раз заставляли,
Чтоб учуять – не пахнет спиртным?

Я ни разу не попадался,
И в доверии рос до конца.
В седьмом классе баян мне достался:
Упросила купить мать отца.

Первым парнем я слыл в округе,
Вечерами на танцах играл,
Пред деревней имел заслуги -
Ведь на каждой пирушке бывал.

Знал, наверное, сотню частушек,
Сочинённых всегда с огоньком:
Хор девчонок – сплошных хохотушек
Под баян пели их с матерком.

Но немножко я здесь отклонился,
Хронологию буду блюсти.
Я на детстве остановился,
Чтоб в порядок года привести.

Школа наша была недалече,
Называлась начальной она.
Не хватало людей в классах вечно,
Потому что сказала война.

Мы сидели тогда все вместе
С первого по четвёртый класс,

И скажу я, друзья, вам по чести:
Азы знаний «вбивались» в нас.

В школе был Пётр Акимыч – учитель,
Тот, что знания линейкой «вбивал».
Но не всем он казался мучитель,
Так как многое каждому дал.

Не была мне учёба в тягость,
Я всё схватывал на лету,
И считал пятёрки за благодать,
Потому что имел мечту.

В институт поступить надеялся,
Выбрал ВУЗ для себя – МАИ.
Поступил и не разуверился,
Что сбылись все мечты мои.

В институте учился труднее
С деревенским своим багажом,
Отвечал на зачётах, бледнея,
Изворачивался «ужом».

Каждый год уезжать умудрялся
В Казахстан – поднимать целину:
В институте отряд набирался,
И «хвосты» не вменялись в вину.
Зато трудно потом сдавались,
Когда мы возвращались назад,
Деканатом стипендий лишались,
Ей ведь каждый из нас был бы рад.

В очередную такую поездку
Познакомился с девушкой я,
Но судьба, должно быть в отместку,
Послала мне близняшек, друзья,

Они были тогда очень схожи,
Одевались в одно и тож.
Я считал, что Бог мне поможет
Разглядеть, на кого кто похож.

Получилось, что в самом начале,
Я за Аллой приударял,
А когда мы друг друга узнали,
На сестрёнку её поменял.

Нина больше пришлась мне по нраву,
В стройотряде, когда была:

Борщ «хохлятский» варила на славу,
Поварихой отменной слыла.

Я на кухне помочь ей старался -
Делал доски, точил ножи.
Как характер её показался -
Руку с сердцем и предложил.

Думал так, что хотя не имею
За душою своей ничего,
Неужели так просто посмею
Мимо счастья пройти своего?

Свадьбу вместе сыграли нашу,
Две сестрёнки вступили в брак:
Алла вышла за друга Сашу,
Поголял тогда третий фак!

Через год у нас сын родился,
Мы писали с женою диплом...
Я не помню, как дальше учился,
Вся учёба пошла кувырком.

Отослать пришлось сына к маме,
Где не знали проблем с молоком.
Защитили дипломы сами,
И направил нас ВУЗ прямым -

В подмосковный город Жуковский.
Там нас встретили без жилья:
Было сложно тогда, чертовски,
Чтоб квартиру имела семья.

Быстро «лиха фунт» мы узнали:
Год снимали угол с женой,
Пока комнатку нам не дали -
Восемь метров – метраж небольшой.

Но общаге мы были рады,
Как ни как уголок, всё же, свой.
Привезли нам Алёшку в «награду»,
Чтобы жить всем одной семьёй.

Проработав четыре года,
Понял, здесь не моя стезя,
И решил служить я народу,
В КГБ на работу придя.

Год учился в Минске на курсах,

Рьяно грыз науки гранит,
Не последним гляделся на курсе,
Коллектив был сплошной монолит.

Относился к учёбе серьёзно -
Впереди ведь работа с людьми.
Правда, были и там курьёзы,
Службу эту попробуй, пойми?!

У чекистов строги порядки -
На трояк учиться нельзя,
В партбюро потом взятки гладки,
Разберут свои же друзья.

Наконец, окончив учёбу,
Прибыл в Раменский горотдел,
Получив чекистскую робу,
С интересом на службу смотрел.

Дела принял почти что сразу
(Это был режимный объект),
Чтобы быть там чекистским «глазом»,
Выявлять «шпионский субъект».

Прослужил там три года кряду,
Получив, наконец, жильё,
Появилась в жизни отрада
Сознавать, что оно твоё.

Перешёл я затем на службу
В наш Быковский аэропорт,
Помогла с начальником дружба,
Чему был я безмерно горд.

В коллективе освоился скоро,
Мой объект стал – Быковский завод,
Дослужился я здесь до майора
И ушёл на четвёртый год.

Захотелось сменить обстановку,
Подав рапорт я в ДРА,
КГБ со своею сноровкой
Дал понять, что же там за «дыра».

По провинциям нас раскидали,
Побавился сразу пыл.
В Кандагар, мы в посольстве узнали,
Направление я получил.

Сборы были в то время не долги:
Расписался за АКС,
Две гранаты, «Макаров», патроны,
В чемодан этот груз еле влез.

Ещё вёз я тогда с собою
Мой старинный тульский баян,
Полюбил его всей душой,
Помогал исправлять он изъян,

Что в душе проявлялся за пьянкой
От родного дома вдали,
И пытались убить друзья «ханкой»
Грусть под сердцем родной земли.

В Кандагар прилетели под вечер,
Разгрузили армейский АН,
И горел закат словно свечи
Над пустынею Регистан.

Та жара может только присниться,
Оставалось читать Псалтырь,
К БТРу не прислониться -
На руке появлялся волдырь!

Кто-то может сказать – это «утка»,
Тот, кто не был в пустыне днём:
Шестьдесят с лишним в тени вам не шутка,
Пышит словно из печки огнём!

От жары мы ходили, как спьяну,
Жили в боксах по два, где по три.
Нам кампания «Ариана»
Апартаменты сдавала свои.

Каждый день на работу в город
Отправлялись мы на броне,
И убить нас могли очень скоро
В необъявленной этой войне.

От Кандагара до аэропорта
Всего было семнадцать вёрст,
Вдоль дороги, с названием «Чёртовой»,
Олеандры цвели в полный рост.

Трасса та была под контролем
Кандагарских душманских банд.
Каждый знал из нас свою долю,
Только Бог был жизни гарант.

На дороге рвались БМП-ешки,
Под обстрел попадали авто,
Но мы ездили там без спешки,
Страху был не подвержен никто.

Потому что с судьбой смирились,
Отчий дом вспоминали, семью,
Воевать за границей учились,
Так, чтоб жизнь сохранить свою.

Отмечали и там дни рождения,
Пели песни под тульский баян,
Пили много, но к удивлению
Не бывал из нас никто пьян.

Ежедневно жилили на нервах,
То подрыв, то шальной снаряд,
Но ведь кто-то должен быть первым
Из отряда наших ребят?

И им стал сержант-пограничник,
Службы срок выходил его:
Толя Мазнев – связист отличник
Дожил там до конца своего.

Погубила бойца служба эта:
В БТР-е на полном ходу
Осветительная ракета
взорвалась вдруг у всех на виду.

БТР водитель покинул,
Мы упали в машине с моста,
Видно дьявол тогда искуситель
Испытал нас, не чтивших Христа!

БТР-ом сержант был раздавлен,
И погиб у ребят на глазах,
В тот момент мы все были подавлены
И стояли над Толей в слезах.

В плащ-палатку его завернули,
Привезли в наш «родимый аул»,
Через пару часов помянули,
Отстучав шифровку в Кабул.

Три дня труп не могли отправить-
Самолёт ждали – «Чёрный тюльпан»,
Чтоб в Союз с телом гроб доставить,

Но его взял армейский АН.

После этого я проработал
В Кандагаре месяцев пять,
Проявили тут кадры «заботу»,
И пришлось место службы менять.

Я в афганскую прибыл столицу,
Чтоб работать в органах ХАД.
Встретил много своих сослуживцев,
Смене климата был очень рад.

Безопасность аэропорта
Возлагалась на группу ХАД -
Провожать Бабрака с эскортом,
Для гостей готовить парад.

Сходу влез я тогда в работу,
Приобрёл в Кабуле друзей,
На себе ощутил их заботу
При устройстве там жизни своей.

Юзбашан, Оруджев и Мальцев -
Мы дружили тогда вчетвером,
Уставали у нас с Лёнькой пальцы
От игры на баяне вдвоём.

К сабантуям готовились чётко,
Закупали афганской «жратвы»,
Мальцев песни нам пел под водку,
Где уж там виртуозы Москвы!

Он учился в консерватории,
И играл на чём только мог,
В этой нашей афганской истории
Был для нас «музыкальный бог».

Брал Оруджев в руки гитару,
Я садился за тумбафон,
Юзбашан – маракасов пару,
Мальцев задавал на баяне тон.

Редким пользовались мы успехом
У чекистов – коллег своих:
Для веселия и потехи
Приглашали всех четверых,

Когда звания обмывали
Или должность кто получал-

До утра мы тогда гуляли,
И в Кабуле баян звучал.

А однажды с баяном вместе
Прибыл я к Бабраку во дворец,
И вот в этом царственном месте
Дал охране концерт под конец.

Мы вначале попарились в бане,
Ели, пили на серебре,
Хорошо там жилось охране
На далёкой чужой стороне.

Пели песни: Платочек, Катюшу
И про месяц – багряный цвет,
Эти песни гвардейцы их слушали,
А мы Родине слали привет.

Враз тоска заполняла сердце,
Каждый думал – зачем мы тут?
Словно рану сыпали перцем,
Сознавая, а вдруг убьют?

Но Бог милостив оказался,
Через месяц уехал я,
Слушать сын тогда мать отказался,
Позвала меня срочно семья.

За период командировки
Ко всему я в Афгане привык.
За свою был направлен сноровку
Изучать я персидский язык.

Правда, дался он мне не сразу,
Сорок лет – это вам не пустяк,
И зубрил я его – «заразу»,
Не освоив письма никак.

Они пишут не так, как в Европе -
Справа – влево, наоборот.
Соли пуд мне пришлось тогда слопать,
Чтоб читал и писал через год!

Школу кончил я на пятёрки,
И уехал на время в Ташкент:
Там с афганцами на задворках
Проводили эксперимент.

Их учили азам контрразведки,

Чтоб наш опыт смогли перенять.
Это было удачей редкой
Их язык там отшлифовать.

В марте 85 года
Полетел второй раз я в Афган,
Получив назначение сходу
В зону южную – Кандагар.

Недалёко от бывшей столицы
Была область с названием – Заболь,
Эта маленькая провинция -
Головная для сил наших боль.

На границе с самим Пакистаном
Нам пришлось выполнять приказ.
Семь маршрутов путей караванных
Чрез Заболь проходили в тот раз.

Та граница не охранялась,
По традиции этих стран -
Племена кочевые слонялись
С Пакистана в Афганистан.

И везли оружие потоком,
Чтобы банды душманов снабдить.
Мы разведку вели ненароком,
Караваны, пытаясь бомбить.

Разлагали банды морально,
Меж собою стараясь столкнуть,
Главарей вербовали буквально,
Наставляя на истинный путь.

Полтора ста банд на округу
Возле трассы Кабул-Кандагар
Оказали «медвежью услугу»,
Сделав склад в кишлаке «Сурхаган».

Это место – сплошное ущелье,
Да, смекалка у них была!
Другой склад в кишлаке «Апушелла»,
Возглавлял моджахед Абдулла.

Постоянно, два раза в неделю,
Нас обстреливали из «Катюш»:
Мы в Китай передать их успели,
Когда было родство наших душ.

Но к обстрелам таким мы привыкли,
Под разрывы пили вино,
И с возможною гибелью свыклись,
Было нам в ту пору всё равно.

Отбивались от банд спокойно,
Идти некуда на прорыв,
Смерть свою могли встретить достойно,

Подготовив себя на подрыв.

Всех советников было в то время
Двадцать восемь лишь человек.
Необъявленной войны бремя
Мы несли, не смыкая век.

Группа ГРУ, Спецотдел Царандоя,
Мы – советники органов ХАД,
И гражданских советников трое -
Два партийных и военкомат.

Жили дружно, не так, как другие,
Собирались одной семьёй,
Под баян пели песни родные,
Вспоминая детей с женой.

Был ансамбль у нас – «Тихий ужас»,
Все играли, кто мог на чём,
Выживать помогала дружба,
Подкрепляемая первачом.

Аппарат был один на всех наших,
Гнали в месяц примерно раз,
На жаре быстро квасилась бражка,
А потом шесть часов гналась.

Выгонялось ведро самогонки,
Очищался напиток затем,
Чтоб болезнь не имела силёнки,
Наливал пред едою я всем.

А болезни там были такие:
Тиф брюшной, гепатит А и Б,
С ним амёбная дизентерия
Каждый раз угрожала тебе.

Без врачей жили – сами медбратья,
Все болезни для нас нипочём,
Для ребят был как будто бы мать я,

И лечил их одним первачом.

Слава Богу! Все были здоровы,
Ели фрукты, как на убой,
Как – то раз надавил вина Вова,
Виноград рос в саду у нас свой.

Чтоб успешно бороться с жарою -
Стали делать бассейн в саду.
Ежедневно, дружной толпою,
Рыть выстраивались в череду.

Получился он шесть на четыре
И три метра почти глубиной,
Мы камнями его обложили,
И наполнили чистой водой.

Полоскались, как малые дети,
Всё свободное время в воде,
Обо всём забывая на свете,
Не притрагиваясь к еде.

Но война грохотала стабильно,
То обстрел, то, глядишь, теракт,
Только раз пришла группа мобильная,
А других больше не было – факт.

Но однажды авторитеты
В опергруппу к нам забрели,
Старики попросили совета,
Чтобы мирно им жить помогли.

Я беседовал с ними спокойно
На родном языке «дари»,
И отнёсся довольно достойно,
Всё ж вожди, что не говори.

Договор подписали споро
Тридцать пять кишлаков зараз,
Свой район охранять они вскоре
Сами начали в первый раз.

Мы за это их не бомбили,
Так как трассу они стерегли,
Хотя сами душманами были
И на нас нападать могли.

По соседству войска не стояли,
Горы были вокруг сплошняком,

Мы приказ КГБ выполняли,
Оборону, держа кругом.

Вели смело переговоры
С представителями крупных банд,
Понимая, что все уговоры,
Не представят нам мира гарант.

Они брать нас живьём опасались,
Норовя при обстрелах убить,
Авиации сильно боялись,
Те могли кишлаки разбомбить.

Со спецназом мы жили дружно,
Я летал к ним с баяном в часть,
Награждённых поздравить ведь нужно,
И частушки им спеть прямо в масть.

Их комбат за мной на «вертушке»
Прилетал к нам в кишлак и не раз.
Пели мы для него частушки
Так, что слёзы катились из глаз.

Я набил на них свою руку,
Бил не в бровь ими – прямо в глаз,
Разгонял в коллективе скуку,
Когда банды долбили нас.

А однажды, на День Победы,
На душманском базаре спел,
На три буквы послал все беды
И в открытый УАЗик сел.

Про «Удачу» я пел сначала,
Мой водитель от страха вспотел,
Но мне этого было мало,
Я ещё про «Поручика» спел.

Стало тихо, наверное, очень
Мы шокировали их тогда,
Если жить человек очень хочет -
Бог поможет ему всегда!

Но закончилась служба вскоре,
Собрались шурави на банкет,
А душманы советнику Боре
Приготовили ночью «презент» -

Мину мощную итальянскую

Заложили они в колею,
Чтобы утром под песню цыганскую
Мы погибель нашли бы свою.

В пять утра подошли вертолёт,
Тяжело с похмелья вставать.
Напрямки мы помчались, намётом,
Чтобы к вылету не опоздать.

В стороне оказалась дорога,
Там, где мина лежала для нас.
В тот момент только с помощью Бога
Наша жизнь не оборвалась.

Через тридцать минут после взлёта
В пол километре от реки
Подорвался на mine кто-то,
Увидали взрыв мужики.

Там на тракторе ехали дети,
Их в прицепе сидело аж шесть,
Самой страшной бедой на свете
Обернулась душманская месть.

Помогла мне в Афгане дружба,
Целым я приехал домой,
Получил назначенье на службу
В Домодедовский порт родной.

Но устал туда ездить чертовски,
Перевёлся куда хотел -
В подмосковный город Жуковский
Зам.начальником в Горотдел.

Но и там прослужил я не долго -
Вором шеф оказался мой,
До меня воровал он задолго,
И наказан был вскоре судьбой.

Через год я по старой дружбе
Перешёл на работу в КИ,
Но затем к нам в 4 Службу
Меня кадры перевели.

И на должность назначили зама,
Авиатором стал я опять:
Комитет, как капризная дама,
Не давал мне долго скучать.

Тут в стране началась перестройка,
Увидал народ этот бардак,
Как не ладили Мишка с Борькой
И ЦК делал всё не так.

Надоели чекистам ужасно,
Руки нам «отбивали» тогда,
Зрела мысль у меня беспристрастная -
На «гражданку» уйти навсегда.

Как-то в бане у Игоря Волка
Коржакова я повстречал.
Он с Бурбулисом Геной колко
Обстановку в стране обсуждал.

Коржакова я знал по Афгану,
Но меня он в тот раз не признал,
Во дворце с ним знакомилась спьяну,
Когда он Бабрака охранял.

Я в тот день посетил их с гармошкой,
О чём выше в стихах говорил,
Во дворце навёл шорох немножко,
А потом и к друзьям укатил.

После бани разговорились,
Он про службу меня расспросил,
А когда пару раз мы помылись,
На работу к себе пригласил.

На предложение я согласился,
И в ответ в КГБ на запрос
К зам. по кадрам тотчас обратился
И на пенсию рапорт принёс.

Помню, в кадрах меня убеждали -
Мол, куда и зачем я иду?
Вместе с Ельциным, уверяли,
Я как «кур в ошип попаду».

Вскоре вышвырнули чекиста,
Напоследок дав чётко понять,
Что ушёл хоть из органов чисто,
Но предателем будут считать.

И пришёл я в Совет Верховный,
К Коржакову, в Отдел СБ,
Отношения там строил ровно,
Благодарен был я судьбе.

Через месяц из партии вышел -
Внепартийным тогда был отдел,
Б.Н. в пику «горбатову» Мише
Выйти с партии всем повелел.

Но тут в августе путч тот начался,
Вместе с Ельциным были мы,
Когда штурм БД ожидался -
Депутаты «наклали в штаны».

Внешне друг перед дружкой храбрились,
Кто взял «Стечкина», кто «АК»,
Целый день бестолково крутились
И смотрели на всех свысока.

Да! Силёнок у нас было мало,
«АКС»-сов штук двадцать пять.
Штурмовать если б «Альфа» нас стала,
То беды бы не избежать!

Но умней оказались чекисты,
Чем людишки из ГКЧП,
По ТВ что вещали «речисто»,
Всех, пугая введением «ЧП».

«Альфа» нас штурмовать отказалась,
Передала привет через жён,
А толпа всё к БД приближалась,
Создавая от танков заслон.

Помню точно, в два часа ночи
Б.Н. спустился в подземный объект,
Мы всю свиту доставили срочно,
В бункер влезло двадцать пять человек.

Мне там душно тогда показалось,
И решил я посты навестить,
Посидев там с охраною малость,
Получил разрешение сходить.

Поднимаюсь, без лифта, в Приёмную -
Вижу – нет никого из ребят,
Выхожу на лестницу «чёрную» -
Никакие посты не стоят!

А в Приёмной звонят телефоны,
Ждёт известий родная страна,
Я подумал, пока нет препонов,

Постараюсь ответить сполна.

Говорил минут тридцать, наверное,
Успокоил Сибирь и Урал,
Выражали желанье безмерное,
Чтобы Ельцин в борьбе устоял.

Был звонок из посольства Штатов,
Но английский не смог я понять,
По персидски послал их матом,
Продолжая другим отвечать.

Коржаков вскоре сам появился,
И спросил – для чего здесь сию?
Я вопросу не удивился
И сказал, что руковожу!

Говорил с Б.Н.-ской дочкой,
А потом и с самим Б.Н.
Уходила «весёлая» ночь,
Занималась «Заря перемен».

Что потом было – все уже знают,
Написали об этом не зря,
Через месяц, как Б.Н.-а признают,
С Горбачёвым беседовал я.

Он тогда пригласил нас в Девятку,
Чтобы службу несли мы в Кремле,
А не делали это украдкой,
Помогли бы ему и себе.

Через час нас назначил Указом
И создать СБП поручил,
Упраздняя Девятку сразу,
Чтоб в Кремле КГБ не «рулил».

Коржаков и не знал про это,
Он в Прибалтике с Ельциным был,
Я ему с «горбачёвским приветом»
По прилёту и всё доложил!

Стал начальником Редкобородый,
Служба ГУО звалась у нас,
Проработал он около года,
И уволен был как-то враз!

Барсуков стал Начальником Службы
И ещё Комендантом кремля,

С Коржаковым водил он дружбу,
Первым замом тогда стал и я.

Коржаков Президентскую Службу
Безопасности возглавлял,
Продолжая с Мишею дружбу,
Должность зама его совмещал.

Как всегда – службу правил я честно,
Через год только смог понять,
Что законы там действую местные -
Нужно что-то кому-то лизать.

Не имея в крови подхалимства,
Правду-матку пытался сказать,
Не подвержен я был и мздоимству,
И решили меня наказать.

Отбрали все кадры сначала
И вдобавок оперотдел,
Чтобы я, как раньше бывало,
Больше силы в ГУО не имел.

Подработали меня тонко,
Ведь не ждёшь от друзей в спину нож,
Барсуков на «разборке» звонко
Объявил, на кого я похож.

Он сказал, что пока отдыхали
С Президентом они в этот год,
Информацию там ему дали -
Я готовлю переворот!

Мне пришлось послать его матом,
Всё, что думал, сказал в тот же час,
Коржаков, прекратив дебаты,
Поспешил к Президенту от нас.

Я потребовал очной ставки
С теми, кого на мятеж подбивал,
Не сработала их «удавка»,
Барсуков ничего не сказал.

Их в моём поведении смущало,
Что отказываюсь от жилья,
Дачу, ту же, как им полагалась -
Заняла другая семья.

Подал я тогда ему рапорт,

Но сказал он: «Ишь ты какой!

Хочешь быстро покинуть «Папу»,
Чистым быть, уйдя на покой?!»

Не уволил меня он сходу,
Девяносто шёл третий год,
Теми, кто не знал в «реке брода»,
Подготавливался переворот.
Не хватало ума, к сожалению,
Ни у той, ни у этой сторон,
Кризис мог бы быть без сомнения
Без расстрела БД разрешён.

Но не тут-то у наших было,
Надо чем-то народ запугать,
И Кремлёвская власть порешила
Депутатов в Москве расстрелять!

Запустили их всех сначала
Беспрепятственно в Белый Дом,
Власть милиции приказала,
Чтоб колючкой он был окружён.

А могли ведь по-умному сделать -
Снять охрану ночью в БД,
Опечатать все комнаты смело,
И тогда не бывать бы беде.

Но выиграла кровь демократов,
Как же так, ведь мы сами власть,
Всеми миру покажем, ребята,
Как гуляют русские всласть!

Это часто бывало в мире,
Когда власть стреляла в народ,
Если глянуть на дело шире -
Шёл обычный переворот.

У меня внутри всё застыло,
И сказала мне дома мать:
«Как же вас там земля носила,
Стыдно ведь людей убивать!»

После этого я решил твёрдо,
Что не буду в охране служить,
Проявлю чекистскую гордость,
Не хочу «опричником» слыть.

Вскоре рапорт мой подписали,
И Указ издал Президент,
Из Кремля меня отослали
По приказу в тот же момент.

Но причины не объяснили,
Посадили «наружку на хвост»,
Телефон на контроль подключили,
Сжѐг я сам за собой свой мост.

С декабря по май пробыл дома,
Поправляя здоровье своё,
Просто так не могли «дуболомы»
Увольнение оформить моё.

Подписав Указ числом задним,
Сократили должность на день,
Чтоб ошибку свою загладить,
Или «тень навести на плетень».

И остаться мне предложили,
Консультантом, назначив на пост,
Службу верную сослужили,
Так как был я для них не прост.

Много знал и секретами ведал,
Не могли меня так отпустить,
Я «кремлёвского мѐда отведал»,
И, как думали, мог навредить.

Вѐл себя я в Кремле спокойно,
Не нуждались в услугах моих,
И с коллегами ладил достойно,
Консультировал многих из них.

Вскоре выборы в президенты
Наступили в России опять,
Тут возникли в СБ инциденты,
Повернувшие время вспять.
Президент дал Чубайсу фору,
Коржакова последнему сдал,
И по этой причине в ту пору
Барсукова с должности снял.

Возглавлял ФСБ тогда Миша,
Звѐзды сыпались на погон,
И поехала Мишина «крыша»,
Стал гордиться пред всеми он.

Порешил без звонка Президенту
Всех воров у Чубайса словить,
Чтобы этого претендента
На корню в Кремле задавить.

Заловили они с Коржаковым
Пятьсот тысяч «баксов» зараз,
Их Лисовский с напарником новым
Умыкали в коробке как раз.

Но не грамотно действовал Миша
– В МВД сдал Лисовского он,
Не сработала правильно «крыша»,
В краже не был никто уличён.

Позвонил Лисовский Чубайсу,
Поднял на ноги Рыжий всех,
И велел своим – срочно кайтесь,
На концерт, списав «баксы» те.

Сашу с Мишей выдрал сам Боря,
По ТВ их прилюдно бил,
В это время наш рыжий Толя
В «крышку гроба» свой гвоздь забил.

Хоронил Толя Сашу с Мишей,
Дал он им от «ворот-поворот»,
Да так громко, что мир весь услышал -
Мог в Кремле быть переворот!

Точно также меня оболгали,
На чём свет ругали, кляня,
В подготовке тогда уличали,
В мятеже беспричинно виня.

Но недаром гласит пословица -
Посмотри, на кого сам-то похож?
Результат наступит, как водится -
«Что посеял – то и пожнёшь!»

После этих событий важных,
Чтобы крепла родная Русь,
Порешил я тогда отважно
Путь направить свой в Беларусь.

Где друзья мои службу служили,
С ними вместе работать был рад,
В Минск они меня пригласили
В Государственный аппарат.

В резиденцию к Президенту
Прибыл утром «кремлёвский бунтарь».
Тут же встречу одним моментом
Мне назначил Госсекретарь.

Предложил в КГБ зампредом
В Белоруссии послужить,
Постараться понять их беды,
И проблемы помочь решить.

Для меня не нужна была должность,
Опыт свой хотел передать,
Как бороться с коррупцией можно
И Республики честь защищать.
Побеседовав с четверть часа
С ним мы вспомнили про Афган,
Где сходились дорожки наши
В южном городе – Кандагар.

Убедил его я, наверное,
Согласился к себе меня взять,
Чтобы, став помощником верным,
Мог бы дельное подсказать.

Через час получил я квартиру,
Кабинет рядом с ним, телефон.
Можно было б «беситься мне с жиру» -
Хорошо позаботился он.

Три недели я с раннего утра
Без обеда, как «карла», пахал,
Оценив ситуацию круто,
Тридцать справок ему написал.

Но в ответ на мои документы
Секретарь ничего не сказал:
Неприятные очень моменты
В документах я тех описал.

Они всё хотят делать насильно,
Мнение нации, не спросив,
Недоверие рожают обильно,
Поведения негатив.

Всех «загнать норовят в одно стойло»,
Интеллект не идёт в расчёт,
А ведь вспомнить примеры бы стоило,
Как народ выставлял власти счёт!

Не имея обратной связи,
Не встречаясь с Секретарём,
Понял я, что «из грязи в князи»
Он поднялся на месте своём.

Проработав четыре недели
Я увидел там – то же жульё,
Мимолётом дни пролетели
И покинул я место своё.

Жена встретила с укоризной,
А до меня, наконец-то, дошло,
Что работать на благо Отчизны
Видно время ещё не пришло.

Продались все капитализму,
Каждый «сват стал ему и брат»,
Всё свели к одному практицизму
И за деньги убить норвоят.

Не хочу спину гнуть на хозяина,
Привык Родине я служить,
А не быть наподобие Каина,
Чтобы с камнем на сердце ходить.

Вот поэтому не работаю,
А пытаюсь стихи писать.
Стало это моею заботою,
Постараюсь про Жизнь рассказать!

ИСТОРИЯ РОССИИ С IX ПО XX ВЕК

Восток Европы заселяли
Славян, когда-то племена.
Князья в то время управляли,
Мы вспомним все их имена.

Гласит нам летопись Сильвестра,
Что первым князем Рюрик был,
Его на правящее место
Род сам славянский пригласил.

Нормандский вождь из Скандинавии
В Великий Новгород пришёл,
И от варяжского конунга
Царей российских род пошёл.

Правопреемником варяга
Стал родственник его – Олег,
Нам молвит летописцев сага,
Что это был X век.

Для продолжения правленья
На трон садится Игорь-князь.
Политика объединения
Племен славянских им велась.

Со всех народов покорённых
Сбирал большую Игорь дань,
Народ, побором угнетённый
Свою на князя поднял длань.

И после гибели бесславной
Власть перешла к его жене -
Княгине Ольге – деве славной,
Древлян побившей в той войне.

Искоростень – центральный город
Земли древлянской – был сожжён.
Их род тогда и стар, и молод
В отместку Ольгой умерщвлён.

Она смогла для сбора дани
Порядок новый учредить,
И крепкою своею дланью
Тем племенем руководить.

Полюдье вскоре заменила,
Убрал при сборе дани их,
Погосты в землях учредила,
Оставив там людей своих.

За Ольгой править князь Владимир
Пришёл на Киевскую Русь,
Родоначальник христианства,
Сказать я так не побоюсь.

Событием важным в то княжение,
Что вспоминаем мы сейчас,
Явилось общее крещение
По воле князя в тот же час.

Оно для жизни означало
Религии Христа приход,
Мир с Византией обещало
И от язычества отход.

Влиянье церкви и культуры
Обогатило наш народ,
Князь поступил довольно мудро
И не подвёл славянский род.

Его впоследствии и церковь
Признала за дела святым,
Заслуги князя не померкли,
Престиж России славен им.
Однако, после его смерти
Раздоры стали процветать,
О трудном времени, поверьте,
Смогла история сказать.

Наследник – Святополк проклятый,
Сел княжить в Киеве потом,
Борис и Глеб – родные братья -
Вот жертвы первые при нём.

Князь опасался конкурентов,
Жестоким и коварным слыл,
За все злодейские моменты
Он «окаянным» прозван был.

Признала церковь их святыми,
И, смертию ту смерть поправ,
За муки, принятые ими,
Разбил Полка князь Ярослав.

Он Церкви христианской поднял
Роль во владении своём,
У печенегов земли отнял
И просвещённым слыл царём.

Международные контакты
В ту пору стали процветать,
И первой летописи акты
Смогли библиотекой стать.

Любитель по своей натуре
Высокого, что мог познать,
Он к византийской той культуре
Россию начал приобщать.

Князь предоставил храмам волю,
Летописание в них велось,
И первой новгородской школе
Свет увидеть при нём пришлось.

При Ярославе роль и Веча
Усилилась во всех делах,
Народа глас добром был встречен,
В отступниках вселяя страх.

Конец одиннадцатого века
Борьбу князей всех обострил,
Ждала Россия человека,
Чтоб он раздоры прекратил.

Внук Ярослава – князь Владимир,
Что прозывался «Мономах»,
По деду материнской линии,
Удачно преуспел в делах.

«Русскую правду» – свод законов,
В стране в то время учредил,
Правопорядок без препонов
Своим судом установил.

И всех князей для примирения
В Любече за столом собрал,
Тот съезд на несколько владений
Раздел Руси обозначал.

Ростов и Суздаль представляли
Одно из княжеств, где на стол,
Великокняжеским что звали,
Князь Юрий в те поры взошёл.

За страсть свою к объединенью
Он прозван «Долгоруким» был,
За время своего правленья
Ряд городов объединил.

Москва, Звенигород и Юрьев,
Переяславль и Дмитровград -
Андреем, сыном князя Юрия,
Удел весь этот был принят.
Но дело по объединению
Не смог продолжить князь Андрей,
Он по боярскому веленью
Убит был в вотчине своей.

За ним брат Всеволод стал править,
Стремясь усилить Княжий Дом,
За многочисленность семейства
Он прозван был «Большим Гнездом»

Затем на Русь пришли монголы,
Что звались Золотой Ордой.
При них народ совсем стал голым,
Спасаясь податью большой

Почти что на два с лишним века
Попала Русь под хана власть,
Десятую часть с человека
Брать дань Орда с нас собралась

Людей жестоко истязали,
Кто подать не хотел платить,
Свои отряды присылали,
Чтобы восстанья подавить.

Однако сей протест народный
Заставил ханов отступить,
Им дани сбор было угодно
Князьям российским поручить.

Политик хитрый Иван I
Добился права дань собирать,
Ему Бог христианской веры
Помог князей в кулак собрать.

Иван Данилович открыто
Престиж московский поднимал,
И заодно с митрополитом
Князей своих объединял.

Внук Калиты, Донской Дмитрий-
Князей на татарву поднял,
На Куликовом поле битвы
Орду Мамаю разогнал.

Игумен Сергей Радонежский
Благословенье князю дал
И двух монахов молодецких
С его дружиной отослал

Он дух российского народа
Поднять в то время помогал,
Победу над ордынским сбродом
При встрече с князем предрекал.

Поскольку та война с Ордою
Священной для Руси была,
Дружина с Верою Святою
Побить тех басурман смогла.

Другой период наступает -
Занял в Москве Василий трон,
Он сыном Юрия – Шемякой,
Злодейски будет ослеплён.

Его, однако, поддержали
Бояре Тулы и Москвы,
И свергнуть в те поры не дали
Великокняжеской главы.

В итоге данного правленья
Был принцип власти утверждён,
И титул главного княженья
В наследство был переведён.

Затем стал княжить Иван III,
Сорок три года правил он,
Для продолженья власти ветви
Брак с Софьей был им заключён.

Иван процесс объединенья
Руси в то время завершил,
И власть московского княженья
Как Государь сей укрепил.

При нём династия создастся,
Об этом летопись гласит,
Он первым стал именоваться -
Великий князь всея Руси.

Орёл двуглавый – Герб московский,
Иваном III учреждён.
До сей поры тот знак неброский
Руси в наследство перейдён.

При нём державой называться
Стала славянская страна,
Россией сей именоваться,
Перед врагами быть сильна.

Васильев сын – Иван IV-й,
Известный нам, как Грозный царь,
Был по характеру упёртый,
Жестокий русский государь.

Опричнину взяв за основу,
Народом Грозный управлял,
С врагами поступал сурово,

Пытая страшно, умерщвлял.

Порядок внутренний старался
Иван IV укреплять,

Земской Собор при нём собрался,
Приказы стали восседать.

Но вскоре Фёдор – сын Ивана,
Престол отцовский получил.
При нём дрались бояре рьяно,
Но царства Федю рок лишил.

Стал Годунов царём державным -
Властолюбивый человек,
Политиком слыл самым главным,
Чем и прославился вовек.

Затем на трон сел самозванец,
Впоследствии же уличён,
Как Лжедмитрий – иностранец.
На Русь из Польши прибыл он.

Смерть Годунова услужила,
И самозванец победил,
Судьба по-своему решила -
Боярский сын его убил.

Четыре года правил Шуйский,
Но род сановный был силён,
И стала власть в России думской,
Боярами был свергнут он.

Недолго власть бояре знали,
К Москве поляки подошли,
И с их согласия заняли
Престол российский короли.

Поляки страшно обнаглели,
На трон, законы все поправ,
Сел, даже пикнуть не успели -
Сын Сигизмунда – Владислав.

Народ российский ополчился,
С ним Мини и Пожарский князь,
В поддержку Новгород решился
Взять у поляков силой власть.

Они разбили полячишку,

Король в Кремле был осаждён,
Как малолетнего мальчишку
Поляка скинул русский трон.

Царём от рюриковских предков
Взошёл Романов Михаил,
Продажею спиртных напитков
Свою известность получил.

Путём уступок территорий
Соседей царь уговорил,
Конфликт со Швецией и Польшей
Таким манером разрешил.

Преемником же Михаила
Стал сын – Романов Алексей,
Державным укреплением силы
Известен стал, правитель сей.

Он крепостное вводит право,
Сидит на троне том не зря,
Реформами заслужит славу,
Не потеряв лица царя.

Центральной власти укрепление
Мы начинаем замечать,
Он иноземцев, без сомненья,
Начал на службу приглашать.

Царь – человек глубокой веры,
Был не приклонен, твёрд и смел,
Он к Стеньке принял свои меры,
«Тишайший» – прозвище имел.

Страдавший недугом тяжёлым
Царём сын Алексея стал,
Правление Феи было скорым,
И Богу душу он отдал.

Пётр I – сын десятилетний
Второй Алёшиной жены,
Трон получает сей заветный,
Не видя в том своей вины.

Ведь по закону править должен
Сын, первенец его – Иван,
Но рок судьбы всегда так сложен,
Бог свой на то имеет план.

И под давлением Милославских
Сестра Петра на трон взошла,
Царевна Софья узурпатски
Всю власть тот час же прибрала.

И воцарилось двоевластье,
Но юный Пётр прозорлив был,
И с Божьей помощью на счастье
Сестру в обитель заточил.

Воспрянула при нём Россия,
Он вывел в первые её,
И для России, как мессия,
Пётр много сделал для неё.

Стал всем известен царь по праву,
Страну свою обогатив,
Прощарствовал себе на славу,
Титул «Великий» получив.

Его жена Екатерина
Курляндской Анне трон сдала,
Петра племянница-дивчина,
В Германии тогда жила.

При ней немецкие дворяне
Вершили при дворе дела,
Страдали русские крестьяне,
Бирона власть в стране была.

Он слыл любовником царицы,
Власть очень быстро захватил.
Дворян потомственных – убийца,
Гвардейцами он свергнут был.

На трон взошла Елизавета -
Известная Петрова дочь,
Снискав любовь дворян при этом,
И кончилась Бирона ночь.

Политику Петра большую
Смогла царица проводить,
И, о наказах помятуя,
Дворян на дело разбудить.

Пётр III вскоре сел на царство,
Совсем недолго правил он:
От управления государством
Женою будет устранён.

За ним пришла Екатерина,
Став по традиции – Второй.
Царь Пётр – муж её – «вражина»,
Убит был верною рукой.

Царица – немка по рождению,
Серьёзной девою была.
За время своего правленья
Не зря Великою слыла.

Она реформы продолжала,
Престиж, стараясь приподнять,
Мужам вниманье уделяла,
Кто мог державе славу дать.

Орлов, Потёмкин и другие,
Нам всем известен их талант,
Были политики большие,
В короне – каждый бриллиант.

При ней, избавившись от неги,
Дворянство стало процветать.
Широкий круг им привилегий
Смогла Екатерина дать.

Растёт помещиков гнёт снова,
Стал тяжким подневольный труд.
Событья эти Пугачёва
На бунт крестьянский позовут.

Роль поднялась образования,
Стали детей крестьян учить.
Княгиня Дашкова вниманье
Смогла царицы заслужить.

Она из русских женщин первой
На пост назначена была,
Слугой Екатерине верной
В образовании слыла.

Не долог век цариц, поверьте,
Настало время помирать,
И трон российский после смерти
Сын – Павел I, смог занять.

Настроен к матери враждебно
В России сын в ту пору был,
Политиком он слыл ущербным,

И государство развалил.

Стал Александр I править -
Задуманного Павла сын,
Он государство смог прославить,
Пришёл с командой – не один.

Царь либералом был по духу,
Сторонник всяческих реформ,
Не мог обидеть даже мухи,
Стал автором законных норм.

Но от свободы идеалов,
Впал Александр в мистицизм.
От управления усталый,
Сменил на богомольца жизнь.

За ним был занят младшим братом
Державы русской царский трон,
Наследству следовали свято,
Стал Николаем I он.

Правленье начал он не чисто,
Державным только став царём:
Расстрел российских декабристов
Был совершён тогда при нём.

Устав цензурный очень жёсткий
В стране им был тогда введён.
Словом «чугунный» весьма хлёстко
За жёсткость эту прозван он.

При Николае гнёт податный
На плечи граждан грузом лёг,
Политику он вёл приватно,
Народ настроить против смог.

Вторым по счёту Александром
Был унаследован престол,
Сын Николая, по порядку,
Россией управлять пришёл.

Он прогрессивный был правитель,
Инициатор перемен,
Крестьян российских избавитель,
Свободу дал от барства всем.
Реформа крепостного права
Любовь народа принесла,
Но благодарная Держава

Сберечь от бомбы не смогла.

Он в результате пал теракта
В надежде изменить сей строй,
Как говорят событий факты -
Царь был с добрейшею душой.

Потом царь Александр III
Вслед за отцом на трон взошёл,
Остановив реформы эти,
Другой дорогою пошёл.

Сословные ограничения
Опять по новой им ввелись,
В системе самоуправления
Дворян права усилились.

Русификация окраин
Была видна в правлении том,
Свободы дух там был караем
Жестокой силою при нём.

И, наконец, престол державный
Царь занял – Николай II,
Уйдя из жизни столь бесславно,
Не избежав беды большой.

Своим же собственным народом
Он был от власти отлучён,
Еврейским большевицким сбродом
С семьёй всей страшно умерщвлён.

И в назидание потомкам
Русь впала в бесконечный грех,
Как наркоманы через ломку
Проходит «общество утех»!

НАЧАЛО МИРА

по мотивам книги В.Мегре "Сотворение"

Представь Начало, не было Земли,
Еще материей Вселенский свет не отражался,
А по Вселенной как по морю корабли
Великим множеством энергий сонм метался.

Во тьме и мыслили, во тьме они творили,
Энергий сущности живые в тишине.
Внутри себя – себе они светили,

Не нужен был им внешний свет вовне.

И в каждой было всё – и мысль и чувство,
Стремление энергии своё,
Но было и отличие в искусстве —
Жизнь разрушать – или созидать её.

Между собою сущности Вселенной
Соприкасаться не могли никак.
И в этих сущностях энергий переменных
Пульсация несла нейтральный знак.

И сущность каждая тогда себя считала,
Что в том Пространстве есть она одна,
Собою она Космос не меняла,
Поскольку невидимкою была.

Неясность своего предназначенья
Тем сущностям позволить не могла
Создать своё, небесное творенье,
К движенью общему дорога не была.

И вдруг как импульсом коснулось всех общенье,
Одновременно во Вселенной вековой,
Впоследствии огромное значенье
Имел для жизни импульс волевой.

И в тот же миг среди энергий разных,
Пульсирующих комплексов живых,
Один из них раскрылся как-то сразу
И своим светом озарил других.

Был стар он или юн, наоборот,
Сказать нельзя обычными словами,
Он походил на человека, что живёт,
Только не внешне, а его мечтами.
С того момента стали во Вселенной
Касаться сущих всех до одного
Мечты живые и энергия стремлений
Того, кто создал Человека самого.

И он один так сильно пылок был,
Что всё привёл в движенье ощущенья,
Звук во Вселенной вдруг заговорил
И первым гласом прозвенел общенья.

Если б тот звук перевести в слова
Со стороны Вселенной необъятной,
Вопросом вопрошала бы молва,

Который задавался очень внятно.

Чего так пылко, вопрошали все,
Желаешь ты один вот в этом мире?
А он в ответ, уверенный в мечте -
Творить совместно, радуясь отныне.

Что может радость принести для нас для всех?
Он сущим отвечал – само Рожденье.
На что сказали те – мы жили без помех,
Не надо нам и твоего стремленья.

Рожденье, в ком частички есть всего!
Но ведь нельзя соединить вот так с собою
В одном конкретном от известного того,
Что может созидать иль разрушать порою.

Сначала нужно сбалансировать в себе
Энергии различных направлений,
По силам сделать это только мне,
Уверенность равна моим сомненьям.

Когда ж уверенность с сомнением равны,
Они для будущего моего творенья
Не будут чем-то мной обделены,
Помогут точности и красоте прозренья.

Как можно называть всем нам тебя,
Все сущие Вселенной вопрошали?
Я Бог! Частички всех вас восприму в себя,
Чтоб радость от творенья вы познали!

Со всей Вселенной сущности тотчас
В него энергий выпустили сонмы,
И каждая стремилась в этот раз,
Чтоб воплотиться ей по-новому верховной.

Так началась великая борьба
Энергий всех Вселенских в этом мире,
Спокойствие настало лишь тогда,
Когда их осознанье стало шире.

Энергия Божественной мечты
Сильнее, выше остальных всех оказалась,
То было воплощеньем красоты,
Что мыслью Бога в мире создавалось.

Бог обладал энергией Мечты,
Он мог в себе всё сделать гармоничным,

Творил Мечтою Он пределы Красоты
И тот процесс стал для Него привычным.

Он сам творил во тьме родной Вселенной,
Поскольку Господином был Мечте.
Его успех являлся неизменным,
Сопутствуя творенья Красоте.

Один в себе Он ускорял движенье
Энергий всех несметное число,
Страх сущностей рождал в них отчужденье,
Они формировали внутри зло.

Был холод омертвления, вакуум расширялся,
Испуг и отчуждение вокруг,
Но Бог мечтою пылкою метался,
И пенье райских птиц воспринимал на слух.

Он уже видел прекрасные рассветы
И чуял аромат цветенья трав,
Но слышал голос сущих всех при этом,
Что, мол, взорвётся, страх не осознав.

Остановись, хотя бы на мгновенье!-
Его просили сущности, боясь,
И распусти свои энергии творенья,
Чтоб сама суть твоя не взорвалась.

А Он в ответ – Я не предел Мечты!
Для них я буду продолжать сжиматься
И ускорять движенье красоты,
Творить Мечтою, ей же вдохновляться!

И, вдруг, Он ощутил прикосновенье,
Со всех сторон как обожгло Его,
Теплом энергии коснулось вдохновенье,
Наполнив новой силой Самого.

Кто ты, Бог спросил? Энергия какая?
В ответ услышал музыки слова,
Я – Вдохновенье и твоя Любовь большая,
В тебе частичка от меня жива.

Ты, Бог, души твоей мечта,
Твоя энергия гармонию создала,
Моей частичкою влилась вся Красота,
Сумей помочь мне, чтоб я тобою стала!

Что хочешь ты? Зачем меня огнём своим коснулась?

Я – есть Любовь, предел твоей Мечты,
Хочу отдать себя, чтобы душа твоя во мне скорей проснулась
Гармонией Вселенской Красоты!

Но чтоб гармония добра и зла не нарушалась,
Я знаю, Ты непустишь всю меня,
Собою вакуум заполнить мне осталось,
Любовью пылкой окружить Тебя!

Согрею всё внутри вокруг Тебя,
Вселенский холод, мгла не прикоснутся,
И без остатка всю отдам себя,
Чтоб силы добрые смогли скорей проснуться.

Что происходит?! Что?! еще сильнее
Ты заиграла необычным цветом!
То отразилась вся душа в любви моей
И заискрилась отраженным светом.

Воскликнул Бог любовью вдохновлённый:
Всё ускоряется, бушует всё во Мне!
И стал творить Мечтою устремлённый,
Плоды Рассудка во Вселенской мгле.

II

Ядром Вселенной и центром для всего
Земля возникла – зримая планета,
И зримо стало всё вокруг него —
Луна и Солнце, звёзды жизни этой.

Невидимый, творящий свет с Земли,
В них тут же во всех гранях отразился.
Впервые видеть материальный план могли
Вселенной сущности и этот план светился.

До мига появления Земли
Зримой материи не знали во Вселенной:
Там плыло всё, как в море корабли,
И вдруг нарушен был сей хаос неизменный.

Самодостаточным творением была Земля —
Планета, как она явилась,
На ней жизнь всеми формами жила:
Росла, летала, плавала, творилась.

Земля со всем, что было во Вселенной
Соприкасалась, но жила сама собой,
Смотрели сущности ей вслед недоуменно

И восхищались сотворенною Мечтой.

III

Внутри у Бога вдохновенье нарастало,
И в свете вакуум заполнившей Любви
Суть Бога очертания меняла
И формы как у тех, кто стал потом людьми.

Вне скорости, вне времени творила Бога мысль,
Во вдохновении трудились, в озарении,
Рвалась энергией на бесконечность ввысь,
Чтоб родилось ещё одно творенье.

Вдруг снова полыхнуло в опаленьи,
Под жаром той энергии Любви
Коснулось Бога снова озаренье,
Он восхищённый воскликнул – посмотри!

Гляди, Вселенная, вот сын мой – Человек!
Он на Земле стоит и он материален,
Начался новой жизни его бег,
На всех он планах бытия реален!

Он образ и подобие моё,
В нём есть частички всех энергий ваших,
Он часть от всех, желание своё
Осуществил я во Вселенской «каше»!

Всем сущим радость сын мой принесёт,
Он сотворение и мысли воплощенье,
Он квинтэссенция, Мечты моей полёт
И повторяющееся снова Возрождение!

Когда один он, умножен многократ,
Свой свет незримый в единое сливая,
Вселенной вскоре станет управлять,
Я отдал всё ему, о будущем мечтая!

От одного произошли все мы,
Его частичка во всех нас вселилась,
И информация, внедрённая в умы,
В деяньях человека воплотилась.

И в каждом нас, живущем на Земле,
В частичке той все ощущения хранятся,
Мы в суетных заботах как во мгле,
Не можем с грузом всех проблем своих расстаться.

Она была там, она помнит всё,
Дай ей раскрыться, ощути, что видел,
И осознай, что ты часть её,
Ты суть Божественную сам в себе обидел.

IV

Представь себя, вошедшим в райский сад
На стыке лета и весны цветущей.
Адам, наш предок, был безмерно рад,
Плоды увидел он и цвет зелёных кушей.

Всё вместе трудно охватить,
Когда всё новое и в каждом совершенство,
Представить нужно, что Адам впервые начал жить
И каждой клеточкой он ощущал блаженство.

Своё внимание он остановил
Впервые на цветке прекрасной формы,
Цвет василька своею жизнью жил
И каждый лепесток имел узоры.

Слегка светились лепестки цветка,
Как будто неба свет собою отражали,
Играли красками листочки стебелька,
И каждый раз его видение меняли.

Покачивал, лаская ветерок,
Тот василёк на очень тонкой ножке
И как живой менял в тот миг цветок
Полутона свои нежнейшие немножко.

То трепетали лепестки на ветерке,
То, как приветствуя, кивали человеку,
Звучали музыкой, как воды в ручейке,
И танец их Адаму был утехой.

От василька тончайший аромат
Воспринимал Адам своею сутью,
И был цветку тому он очень рад
И с наслаждением дышал им полной грудью.

Вдруг человек услышал грозный рык
И повернулся в сторону звучанья,
Смотрел на звук, и словно мир притих,
Давая паузу ему на осознанье.

Огромный лев с подружкой своей
Оповещал окрестность грозным рыком,

И человек увидел, как сей зверь
В один прыжок стал перед его ликом.

Адам залюбовался статью их,
В трёх метрах от него те звери стали,
Он тёплым взором посмотрел на них,
И львы в Адаме своего царя признали.

От человека неги исходила
И лев, обласканный, на землю сразу лёг,
И львица рядышком легла, не шевелилась,
Чтоб благодатный свет давать Адам им мог.

Взгляд человека мягок может быть и твёрд,
Наполненный необъяснимой силой,
То согревает он, то холоден как лёд,
То ласковый, приятный сердцу, милый.

И в многократ сильнее этот взгляд
Был в первые дни жизни человека.
Живое всё выстраивалось в ряд,
Воздействовал тот взгляд как будто лекарь.

Сейчас у взгляда сила уж не та.
Куда же она ныне подевалась?
За суетностью дел ушла мечта,
Но кое-что во взгляде том осталось.

Туманят взор агрессия и ложь,
Раскрыться не дают простору мысли,
От этого людей бросает в дрожь
И ныне, и вовек и присно.

Тепло души у каждого внутри,
Но нужен ключ, чтобы оно раскрылось!
На мир Адама сам ты посмотри,
Чтобы оно из глаз твоих струилось.

Тогда планета превратится в райский сад,
Если без зла на этот мир посмотрим
И человек станет друг другу рад,
Когда к Земле мы отношенье пересмотрим.

Был на Земле когда Адам один,
То сила мысли у него была такая,
Что Человечество имело впереди,
Предел по силе,
мысль Адама достигаая.

И бьются вечно силы добрые со злом
За эту самую вот человеческую душу,
За суть Божественную, что храниться в нём,
Но голос разума мы не хотим послушать.

Поэтому все и живём во мгле,
Погрязли по уши в делах своих суетных,
Тепло души не отдаём во вне,
Взор тёплый оставляя без ответа.

Создатель человеку отдал всё,
К чему стремился сам в порыве вдохновенья,
Чтоб он родителя стал совершеннее ещё,
И превзошёл бы в его собственных стремленьях.
Бог дал обет не отречься от дитя,
Сказав, он сын, подобие моё и образ,
И человек в тот райский сад придя,
Вначале к существу всему был очень добрый.

Адам всё сущее пытался познавать,
Определять предназначенье каждой твари,
Стремился сам задачи все решать,
Земными также управлять делами.

Он ел плоды, пил воду из ручья,
Дышал пылью и в той воде купался.
Счастливым, радостным – он ощущал себя,
Для сына Бог всё сделать постарался.

Сто восемнадцать лет прожил Адам
И был не стар на пике сил расцвета.
Адама дух определял года,
И не старела человечья плоть при этом.

Мы свой сегодня сокращаем сами Век
Деянием своим ежесекундно,
Смерть сам себе придумал человек,
Ему к добру вернуться ныне трудно.
Вода и воздух мёртвые сейчас,
Едим отраву, дышим просто гарью,
День смерти приближая каждый раз.
Не Бог сегодня, дьявол миром правит.

А было ведь иначе в первый раз
Рожденье сына – Богочеловека:
Живое всё любви попало в плен,
Служить стремилось сыну век из века.

Когда прошло 118 лет,

Адам, впервые встав, не восхитился миром,
И подивился Бог тогда в ответ,
Дитя его печальным очень было.

V

Мгновенно всё пришло в одно движенье,
И в ореоле энергии Любви
Развил Бог мыслью такое ускоренье,
Задумав что-то новое творить.

Энергия Любви ему шептала —
Ты снова полон вдохновенья,
о мой Бог!
Всё во Вселенной вновь запылало,
Превысил Ты критический порог.

Как не взорвёшься, не сгоришь в таком жару,
Куда стремишься Ты, к чему, пока не знаю,
Я не свечусь уже тобой в миру,
А вся горю, планеты в звёзды превращая!

Остановись! Всё лучшее тобой сотворено!
Но не услышал Бог мольбы Любви безмерной,
А ускорял своё движенье всё равно
И не внимал насмешкам сущностей Вселенной.

И вдруг невиданной красоты зарёй
Сверкнул Он во Вселенной необъятной.
Смотри, Вселенная, вот дочь стоит со мной!
Её черты и совершенны и приятны!

Достойной будет она сына моего,
Нет совершеннее её в миру творенья!
Я в ней и образ, и подобье самого
В ней есть частички ваши без сомненья!

Так полюбите, полюбите же её!!!
Она и Он, сын мой и дочь вам сущим радость!
Они определяют всем бытиё,
Миры Вселенские построят нам в награду!

С пригорка, по траве умытою росой,
Днём праздничным с первым лучом восхода,
В Адама сторону шла дева та босой,
В ней сконцентрировалась вся краса природы.

Походка грациозна, строен стан,
Изгибы тела и плавны и нежны,

В оттенках кожи цвет зари блистал
И на лице играл улыбкой безмятежной.

К Адаму близко подошла она
И перед ним, лежащим, тихо встал.
Ей неземная красота была дана,
Дыханье ветерка ей прядь волос ласкала.

И вся Вселенная свой затаила вздох.
О, как прекрасен лик её творенья!
Признали сушие, что совершенство создал Бог
В экстазе чувств, любви и вдохновенья.

Адам лежал всё также на траве,
Окинув деву своим беглым взглядом,
Зевнул и мысленно сказал он сам себе:
Ну вот, ещё одно творенье в райском саде.

Нет нового в нём ничего, лишь на меня похожа,
У леопарда шкура ярче, веселей.
Ко мне так просто подойти никто не может,

И всё же, ноги красивей у лошадей.

И дева, постояв немного близ Адама,
Пошла тихонько к заводи ручья,
И у кустов на берегу присела прямо,
Рассматривая в отраженье вод себя.

Вселенной сущности тотчас же зароптали,
В одно единое тех сущих мысль слилась —
Два совершенства вдруг друг друга не признали,
Творца задумка в чём-то сорвалась?

И лишь одна среди вселенского роптанья
Пыталась Бога оградить собой:
Энергия Любви своим сияньем,
Согрев Создателя в тяжелый час такой.

Ты отдохни чуть-чуть, Творец Великий,
И в сына вразумление всели,
Он на тебя похож не только ликом,
Исправь же сам творения свои.

В ответ Вселенная услышала слова,
Жила в них мудрость и величье Бога,
Что сын себе сам в жизни голова
И не дано его кому-то трогать.
Он образ и подобие моё,

Частички всех энергий в нем Вселенной,
Он Альфа и Омега для неё,
Достойным будет сын мой непременно!

Он что захочет – всё ему воздастся,
Не в суете должна твориться мысль,
Сын никому не станет преклоняться,
Мечтами будущего устремляясь ввысь.

Не преклонился даже он при виде плоти,
Не удивился красоте её,
Не осознал ещё своей мечты полёта,
Но что-то в ней почувствовал своё.

Он первым ощутил, что не хватает
Ему чего-то в Божественном саду,
А дева эта тем не обладает,
Недостающее имеется в виду.

Вселенная вопросом задалась:
Чего же не хватает совершенству?
В нём суть энергий наших собралась,
Ответил Бог: там нет Любви главенства.

И вспыхнула энергия Любви:
Но я одна, Тобой одним сияю,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.